

Р. В. Пузиков

ДОКТРИНА ФОРМИРОВАНИЯ НЕЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

R. V. Puzikov

THEORY OF FORMING EXTRALEGAL MEANS TO IMPLEMENT LEGAL POLICY: CURRENT SITUATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

В настоящей статье уделяется внимание наименее изученному вопросу современной правовой политики России — неюридическим средствам ее реализации. Акцентируется внимание на том, что, несмотря на то, что доминирующее влияние на эффективность проводимых в стране правовых реформ оказывают правовые предписания современная правовая политика необоснованно игнорирует такие средства как правовая пропаганда, юридическая доктрина и юридическое образование, правовая реклама и т. д. Показывается роль и значение неюридических средств реализации правовой политики.

Ключевые слова: правовая политика, доктрина права, средства реализации правовой политики, правовое просвещение, правовое образование.

This article dwells upon the least studied topic of the modern Russian legal policy – extralegal means of implementation of this policy. The author underlines that notwithstanding the fact that legal regulations have dominant impact on the efficiency of legal reforms which are being performed in the country, modern legal policy unreasonably ignores such means as legal propaganda, legal theory and legal education, legal advertising, etc. Furthermore, the author shows the role and importance of extralegal means to implement the legal policy.

Keywords: Legal policy, law theory, means of implementing the legal policy, legal awareness, legal education

Одной из наиболее острых проблем формирования и эффективной реализации современной правовой политики современной России выступает отсутствие четко сбалансированной и выработанной теории средств правовой политики. Очевидно, что в настоящее время на достаточно высоком теоретическом уровне разработаны и находят свое внешнее выражение, например, в правотворческой политике, вопросы совершенствования юридической техники, вырабатываются все более адекватные современным потребностям российского общества цели и задачи правовой политики как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях и т. д.

Однако очевидно, что даже самые совершенные и насущные для российской

правовой жизни России цели и задачи невозможно достичь без действенных средств их реализации. В этой связи возникает острая потребность в научном осмыслении возможных средств реализации правовой политики, их классификации и типологии, выявлении наиболее эффективных из них, выявлении национальных особенностей и заимствование зарубежного опыта, а также особенности применения тех или иных средств реализации в зависимости от уровней правоприменения. Безусловно, в первую очередь решение этой задачи должно лечь на плечи юридической доктрины, которая не только в состоянии провести подобное теоретико-правовое исследование, но и предложить законодателям и правоприменителям всех уровней действенные

механизмы совершенствования, давно используемые современной правовой действительностью нашего государства, но и найти новые ранее не известные.

Нами отстаивается позиция, согласно которой все средства реализации правовой политики целесообразно разделять на два больших блока: юрисдикционные и неюрисдикционные. Прежде всего, это предопределено той общественно значимой нагрузкой выполняемых каждым из указанных блоков средств и правовыми последствиями их несоблюдения, а также функциональными особенностями их применения. Так, и те и другие выполняют обеспечительную функцию побуждения граждан к позитивным как по отношению к государству, так и к отдельным его институтам действиям. Принципиальные отличия при этом проявляются, во-первых, в форме выражения (юрисдикционные в нормативно-правовых актах посредством правовых предписаний, неюрисдикционные в иных формах); во-вторых, по правовым последствиям (юрисдикционные — государственное понуждение и неблагоприятные для нарушителей санкции, неюрисдикционные — общественное порицание и т. д.) и др.

Несмотря на столь принципиальное отличие данных подвидов средств реализации, нецелесообразно говорить об эффективности одного из них, полностью отвергая другой, поскольку только в комплексе они способны максимально эффективно реализовывать любые формы и направления правовой политики.

Бесспорно, наиболее распространенными выступают юрисдикционные средства, к которым принято относить стимулы и ограничения [7; 12; 13]. Очевидно, что право, выступая регулятором общественных отношений, призвано влиять на поведение субъектов, корректировать его в соответствии с определенными целями. Одни поступки правовые средства стимулируют, другие ограничивают, оказывая при этом положительное либо отрицательное мотивационное воздействие на процесс удовлетворения тех или иных интересов личности, коллектива, государства, общества [14, с. 5].

Справедливости ради следует признать, что в настоящее время, к сожалению, приоритетными для законодателя выступают именно ограничения, однако даже их применение далеко от совершенства. В настоящее время со всей очевидностью виден крен увеличения числа ограничений в отношении рядовых членов общества и практически обходятся стороной ограничения в отношении

должностных лиц и государственных чиновников, что в свою очередь не может не приводить к социальной напряженности в обществе и противостоянию общества и государства.

К средствам ограничения традиционно относятся: запреты¹, приостановления², а также обязанности и наказания (ответственность). Представляется, что данный перечень не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию. Так, целесообразно более активное использование такого юрисдикционного средства, как юридический ценз, который может рассматриваться как условие: «допускающее человека к пользованию теми или иными политическими правами» [16, с. 861]; «ограничивающее допущение лица к осуществлению прав» [18, с. 1214], а также в качестве предпосылки «установленный Конституцией или законами критерий, необходимый для реализации гражданами своих социально-экономических и политических прав» [4, с. 655]. Помимо этого ценз является не только важным и достаточно действенным инструментом согласования, гармонизации международных норм и принципов с правовыми источниками России, но и выступает одним из «превентивных средств, препятствующих и профилактирующих нарушения социального равновесия во всех его проявлениях» [8, с. 5].

В качестве негативного момента, не позволяющего зачастую эффективно регулировать общественные выступает факт установления тех или иных обязанностей без корреспондирующих им санкций за их неисполнение, что в свою очередь не позволяет отличить обязанности от правомочий.

Продолжая разговор о юрисдикционных средствах реализации правовой политики, следует признать, что в последнее время активизировалось использование стимулирующих средств, хотя и они далеки от совершенства. В общих чертах стимулы в праве подразделяют на льго-

¹ Например, согласно п. 9 ст. 11 ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» «Государственный служащий не вправе принимать без разрешения Президента РФ награды, почетные и специальные звания иностранных государств, международных и иностранных организаций» и т. д.

² Так например: налоговые органы имеют право приостановления операций по счетам в банках, а также переводов электронных денежных средств организаций и индивидуальных предпринимателей (ст. 76 Налогового кодекса РФ); Арбитражный процессуальный кодекс дает право заинтересованным лицам обратиться в суд с ходатайством о приостановлении действия оспариваемого акта (ч. 3 ст. 199 АПК РФ) и др.

ты¹ (изъятия², скидки³, освобождение⁴ и др.), привилегии [1], правовые иммунитеты⁵, поощрения [5] и др. Как представляется, именно стимулы позволяют повысить правовую активность граждан, поскольку они в отличие от ограничений призваны, в первую очередь, подталкивать к совершению общественно значимых активных действий всех субъектов правоотношений.

В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что российская правовая политика не в полном объеме использует тот потенциально возможный набор инструментов и средств ее реализации, который накоплен за многие годы как российским, так и мировым опытом. Очевидно, что поскольку объекты и предметы правовой политики достаточно разнообразны и разноплановы, постольку и средства ее реализации должны быть адекватными. Как нам представляется, в современной практике ярко прослеживается крен в сторону сугубо юридических средств и практически полного игнорирования неюридических средств. Данное положение не вполне обоснованно и препятствуют эффективной реализации российской правовой политики.

Одновременно соглашаясь с утверждением А. В. Малько о том, что «правовая политика потому и называется правовой, что связана с юридической деятельностью и соответствующим пространством, юридическими средствами и механизмами» [11, с. 16], следует оговориться, что подобное суждение не вполне обоснованно. Представляется, что поскольку правовая политика — это «...деятельность государственных и негосударственных структур по созданию эффективного механизма правового регулирования», постольку правомерно вести

речь не только о юридических средствах, но и о неюридических.

В данном случае именно неюридическим средствам отводится роль фактора косвенного (теневого) регулятора той сферы правовой жизни, которая выходит за рамки нормативно-правового регулирования, а именно правосознания, правовой культуры, правового образования и просвещения и т. д.

Прежде всего следует говорить об очевидном сдвиге в самих *юридических средствах* правовой политики в сторону юридических запретов. Данный подход явно отличается односторонностью и не позволяет эффективно влиять на общественно активное и значимое поведение людей. В этой связи, как нам представляется, наибольший потенциал имеют стимулы и поощрения. Именно правовые стимулы выступают как фактор формирования побудительных мотивов правомерного поведения. Как замечает Н. И. Матузов, мотивационно-стимулирующая роль правовой системы заслуживает самого пристального внимания и анализа. Следует акцентировать внимание, что наибольшего эффекта возможно достичь именно при одновременном использовании этих двух средств, поскольку стимулы являются двигательной силой для совершения гражданами ожидаемых со стороны государства активных действий, а поощрения — неким «вознаграждением» за его совершение.

Одновременно говоря о доминировании средств запретов и наказания в российской правовой политике, следует отметить ее одностороннюю направленность на рядовых членов общества, что не может не сказаться на общем отношении российского общества к правовой политике. В первую очередь мы говорим об ответственности публичной власти всех уровней и ветвей в широком и узком смысле. Говоря о широком понимании, следует отметить, что необходимо говорить об одинаковой ответственности должностных лиц и рядовых граждан. Очевидно, что правовая политика будет восприниматься по-другому только тогда, когда министр, олигарх, родственник постового ГИБДД и рядовой гражданин будут подчиняться правилам дорожного движения одинаково. Однако, к сожалению, это в большей степени носит декларативный характер.

Говоря о юридической ответственности в узком смысле, мы имеем в виду непосредственно должностную ответственность. Поскольку лицо по собственному желанию, осознанно и целенаправленно

¹ Например, ст. 333.35 Налогового Кодекса РФ «Льготы для отдельных категорий физических лиц и организаций».

² Например, ст. 251 НК «Доходы, не учитываемые при определении налоговой базы».

³ Плательщик имеет право уменьшить прибыль, подлежащую налогообложению, на сумму произведенных им расходов на цели, поощряемые обществом и государством. Например, расходы налогоплательщика по НПО на обучение по основным и дополнительным профессиональным образовательным программам, профессиональную подготовку и переподготовку работников налогоплательщика (п. 3 ст. 264.1 НК РФ) или см. подп. 38 п. 1 ст. 264.

⁴ Например, понижение ставки до 0% для крупного бизнеса, получающего доход в виде дивидендов (подп. 1 п. 3 ст. 284 НК РФ).

⁵ Например, иммунитет государства (суверенный иммунитет) — в международном праве принцип, в соответствии с которым суверенное государство не подчиняется органам власти других государств.

стремится ко власти, постольку он должен понимать и добровольно признавать повышенную ответственность перед избирателями. В настоящее время института профессиональной ответственности представителей органов власти в чистом виде нет, за исключением отдельных попыток закрепления в тех или иных нормативно-правовых актах отдельных, разрозненных и несогласованных норм-деклараций. Как нам представляется, это должно касаться, в первую очередь, представителей законодательных органов. В частности из истории Древнего Рима мы знаем, что, внося законопроект на обсуждение Сената, инициатор стоял на табуретке с накинутой на шею веревкой, и в случае неодобрения табуретку выбивали из-под ног. Тем самым обеспечивалась продуманность, целесообразность и обоснованность вновь принимаемых законов и готовность инициатора законопроекта нести персональную ответственность. Бесспорно, в современных условиях это не оправданно, но проводя аналогию, правомерно внести положение о последствии внесения депутатами различных уровней законодательных органов законопроектов, не отвечающих потребностям правовой жизни либо имеющих конъюнктурную окраску и о персонализации авторов проектов.

Раскрывая сущность неюридических средств реализации, к которым правомерно отнести идеологические, организационные и материальные, бесспорным «флагманом» выступает блок идеологических средств, которые имеют наибольшую силу воздействия на общество.

Говоря об *идеологических средствах* правовой политики, уместно говорить о правовом образовании, правовом просвещении, правовой пропаганде и даже о правовой рекламе.

Как нам представляется, не в полном объеме, а зачастую противоречия традициям российского общества, используется такое средство правовой политики, как правовое образование, направления воздействия которого принципиально следует различать по нескольким позициям, поскольку каждый из уровней имеет свои особенности, цели и задачи, методики преподавания и т. д.

Правовое образование в собственном смысле этого слова: дошкольное правовое образование, начальное образование, среднее правовое образование, средне-специальное и как наивысший уровень высшее юридическое и послевузовское образование. К сожалению, «современное состояние русских уни-

верситетов» не меняется уже несколько веков. Так, еще Б. Чичерин писал: «Пора бы наконец сказать, что университет — не канцелярия, что профессора — не чиновники, исполняющие приказания начальства, а люди, самостоятельно изучающие науку и преподающие стекающемуся в университет юношеству результаты своей собственной умственной работы... Правительство, без сомнения, имеет право наблюдать за тем, чтобы преподавание не уклонялось от своих целей и не шло в разрез с требованиями государства», но не более того. В этой связи до сих пор не утихают споры по проблеме реализации Болонского соглашения в России. Среди ученых продолжает сохраняться мнение, что данное нововведение не просто разрушает налаженный механизм российского образования, но и ведет к образовательному провалу, однако механизм запущен и продолжает работать.

В настоящее время политика в области правового просвещения и юридического образования отличается противоречивостью и непоследовательностью, отсутствием согласованности и т. д. В частности, можно привести пример с ситуацией вокруг вузов системы МВД, которые в 2010 году были сокращены (на всю страну было оставлено только 14 образовательных учреждений [15]), но при этом в департаменте государственной службы и кадров МВД России при подведении итогов работы за 2011 год было отмечено, что доля сотрудников, имеющих высшее юридическое образование составила 52,5% [15], так как же могут эффективно выполнять свои служебные и должностные обязанности остальные 47,5% сотрудников, а главное, где они смогут получить специальные познания в этой области?

Правовое просвещение в широком смысле, которое должно включать в себя открытые лекции, свободный доступ к правовой базе и т. д.

Правовая пропаганда, которая достаточно широко и эффективно использовалась в советский период, в настоящее время полностью отстранена от сферы правового регулирования, что также вызывает определенные нарекания. Очевидно, что отсутствие пропаганды ценностей права, его постулатов и требований заменяются зачастую противоположностями. В этой связи требует модернизации современное российское кино как одно из средств реализации правовой политики. Мы говорим не о введении цензуры, что в условиях современной правовой

действительности уже невозможно, да и нецелесообразно, а прежде всего об акценте на государственное финансирование на кинопродукцию, отражающую основные направления правовой политики, привитие идей патриотизма, правомерного поведения и т. д., сохраняя одновременно с этим коммерческую киноиндустрию. Представляется закономерным даже говорить о госзаказе на подобную продукцию, поскольку «...если даже признать происхождение права тихим и незаметным путем, то все таки есть один момент, который резко отличает право от других элементов культуры — это момент принуждения. Правовые воззрения, мнения, убеждения могут, конечно, возникать незаметно, как бы инстинктивно; но чтобы обратиться в действующее право, они должны приобрести принудительную силу».

Недостаточно развито такое средство правового воздействия, как *правовая реклама*. Как отмечает М. В. Баранова, «... реклама все более существенно, порой кардинально влияет на современную жизнь, социальные ценности и жизненные траектории людей в позитивном ключе. Все более значимым становится взаимодействие рекламы, права, культуры...», что также дает широкое поле для использования ее в процессе реализации правовой политики.

Именно данный блок наиболее эффективно влияет на формирование устойчивой правовой культуры российского общества. Как отмечают большинство авторов, с чем мы полностью солидарны, именно низкий уровень правовой культуры и правосознания выступает одним из главных факторов, снижающих эффективность реализации правовой политики. Очевидно, что какие бы идеальные законы ни были приняты, как бы четко юридическая техника не формулировала способы надлежащего поведения, однако без четкого, устойчивого и прежде всего осознанного понимания необходимости такого поведения, и что немаловажно — выработки установки исполнения таких предписаний они будут оставаться всего лишь бумагой.

Очевидно, что эффективность проводимой государством правовой политики напрямую зависит от учета потребностей и ожиданий общества. Насколько оперативно законодатель будет принимать «насуточные» и ожидаемые обществом правовые акты, вносить изменения в ранее принятые, отменять устаревшие либо противоречащие современной правовой жизни общества, а правоприменитель

будет «адаптировать» правовые нормы под ожидания общества, настолько эффективно эти правовые нормы будут исполняться и применяться. В этой связи анализ, изучение и обобщение общественного мнения как формы массового сознания, в котором проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной правовой жизни, затрагивающим их интересы и потребности, должно стать приоритетным. В настоящее время общественное мнение все чаще упоминается в правовых актах. Так, например, в ст. 9 ФЗ «О полиции» — «Общественное доверие и поддержка граждан» отмечается, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, кроме того при федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел и территориальных органах образуются общественные советы, которые призваны обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей, для решения наиболее важных вопросов деятельности полиции. 7 мая 2012 года Президент РФ Владимир Путин поручил Правительству Российской Федерации обеспечить реализацию следующих мероприятий: до 1 сентября 2012 года сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения, имея в виду: создание единого ресурса в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет) для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, ходе и результатах их общественного обсуждения.

Однако следует понимать, что как и любое общественно значимое явление, общественное мнение не может быть пущено на самотек и должно в правовых рамках формироваться государством. Следует учитывать, что общественное мнение складывается из широко распространенной информации, как то: мнений, суждений, убеждений, идеологий, равно

как и из слухов, сплетен, заблуждений. В формировании общественного мнения большую роль играют средства массовой информации (СМИ), в частности: телевидение, радиовещание, печатные издания (пресса). Существенно возрастает влияние электронных средств: социальных сетей, блогов, твиттера, youtube, видеоканалов, интернет-форумов. На общественное мнение влияют мнения людей, признаваемых обществом авторитетными и компетентными, личный опыт людей.

И в этой связи одним из средств воздействия на общественное мнение со стороны государства являются правовая пропаганда и правовая цензура. В частности, как показывают социологические исследования, «при моделировании когнитивных процессов в социуме можно сказать, что если десять процентов твердо придерживаются сходных взглядов, этого будет достаточно, чтобы на их сторону перешла и большая часть общества»¹.

К пропаганде как средству формирования общественного мнения достаточно широко обращались в советский период, но со сменой политической формации современной России отказались как от негативного пережитка тоталитарного прошлого, что определенно не отвечает современным реалиям. История показывает, что даже самые позитивные идеи могут быть использованы в негативных целях, что ни в коей мере не умаляет их значимость и ценность для общества. Это с полной уверенностью можно отнести и к пропаганде. К сожалению, в настоящее время у молодого поколения не сформированы «образцы для подражания» и эталоны поведения, что в состоянии сформировать в умах граждан только пропаганда. К сожалению, на смену «Дяде Степе милиционеру» [10] С. Михалкова и плечистому парню со значком ГТО на груди из популярного «Рассказа о неизвестном герое» [9] С. Я. Маршака современная российская пропаганда не смогла обеспечить достойную замену, а отсюда и низкий уровень правовой культуры как таковой, правовой нигилизм, правовая неграмотность, отсутствие установок на правомерное и социально значимое поведение. В советский период любое проявление правомерного поведения максимально широко освещалось в СМИ, начиная с перевыполнения плана и заканчивая спасением утопающих. А теперь вспомните, как давно мы с вами слышали, читали, смотрели по телевидению новости о спасении утопающих, из пожара

и т. д. Так, медаль «За спасение утопающих» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1957 года. Автор рисунка — художник А. Ф. Шебалков². Последнее награждение медалью в СССР состоялось 20 мая 1991 года. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 2 марта 1992 года № 2424-1 медаль бывшего СССР с аналогичным названием осталась в наградной системе России. Надпись на реверсе «СССР» была заменена на надпись «РОССИЯ». Награждения данной медалью в Российской Федерации производилось с 1992 по 1995 год. Было произведено несколько награждений. В соответствии с Указом Президента России от 2 марта 1994 года № 442 медаль отсутствует в системе государственных наград РФ, видимо, либо перестали тунуть, либо перестали спасать.

В свете отмеченного представляется назревшей острая необходимость переосмысления роли и функций правовой пропаганды не только как способа формирования общественного мнения, но и как средства реализации правовой политики России.

В качестве особого средства реализации правовой политики, напрямую связанного с вышерассмотренными, следует рассматривать *критику законодательства*. Как отмечает П. В. Ремизов, «критика — постоянный «спутник» законодательства, от функционирования которого в значительной мере зависит степень его совершенства и эффективности реализации» [17]. Как отмечал В. М. Баранов, «в условиях формирования правового государства и продолжающейся правовой реформы настоятельно выдвигается в разряд первоочередных создание развернутой, гибкой, многоуровневой системы критики действующих юридических норм» [2. с. 385]. Актуальность общетеоретического исследования указанного явления состоит в том, что этот феномен сам по себе обладает крупной познавательной ценностью. Очевидно, что в настоящее время еще недостаточно выявлены влияние критики законодательства на реальную оценку и действенные пути модернизации политической системы общества, механизма формирования и реализации правовой политики.

Говоря об *организационных средствах* правовой политики, прежде всего, следует говорить о готовности общества к тем или иным правовым новшествам, что приводит к выводу о необходимости кардиналь-

¹ По материалам свободной энциклопедии «Википедия». — URL: <http://ru.wikipedia.org>

² <http://ru.wikipedia.org/wiki>

ного пересмотра отношения правовой политики к социологическим исследованиям. В первую очередь исследование факторов как ключевого понятия в социологии. Как отмечается, «фактор — это причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющего его характер или отдельные его черты».

В настоящее время практически полностью игнорируются *социологические средства* реализации правовой политики: социологический опрос, опрос общественного мнения. Целесообразно говорить в этом случае, например, о необходимости ежегодного отчета руководителей тех или иных ветвей власти по итогам опубликованных результатов общественного мнения. Ведь «современное развитие государства и общества предполагает не только адекватные изменения в государстве и законодательстве, но прежде всего изменения в самом человеческом обществе, человеке». Государство и право являются способами и результатом самоорганизации человеческого общества. Поэтому исследование причин и путей возникновения и развития государства, права и правовой политики необходимо начинать «с изучения эволюции человека и становления человеческого общества».

Однако «возможности поступательного развития общества, стабильность и предсказуемость социальных процессов в значительной степени определяются характером проводимой государством политики в той или иной области социальных отношений, способностью государственной власти выстраивать адекватную насущным потребностям и долгосрочным перспективам общественного развития стратегию социальных преобразований». В этой связи именно оценка общественного мнения на стадии обсуждения тех или иных направлений правовой политики, законопроектов и т. д. позволит адекватно прогнозировать последствия общественной реакции и пути их регулирования. Г. А. Ландау, в частности, отмечал, что политика права «есть (и всегда было) изучение запросов, касающихся создания права, которое производится путем теоретического исследования и выяснения целей права, ответственности...». Эффективность законодательной деятельности во многом определяется степенью достижения целей, которая зависит от того, в какой мере и насколько точно в законе учтены и отражены социальные факторы проблемной ситуации, требующей законодательного разрешения.

Говоря о *материальных средствах* правовой политики, следует отметить, что зачастую при реализации тех или иных проектов не учитываются будущие финансовые затраты, обеспеченность помещениями, оргтехникой и т. д.

В качестве самостоятельных средств правовой политики, безусловно, следует рассматривать принципы и презумпции правовой политики, поскольку именно «углубленный анализ принципов... может способствовать решению вечной проблемы правопонимания и правообразования». Бесспорно, назрела острая потребность в глубоком научном исследовании данной проблемы, однако уже сейчас можно говорить об отсутствии таких стабилизирующих принципов правовой политики, как принцип преемственности, принцип научности и принцип самобытности российской правовой политики.

В качестве средства реализации мы также предлагаем рассматривать судебную практику. Очевидно, что «во всякую эпоху существует разница между правом в том виде, как оно значит в законе, и в той форме, как оно применяется. ...право не может всего предусмотреть, всегда в нем есть недостатки и пробелы; пополнение последних и исправление первых достигается судебной практикой». Как отмечает А. В. Аверин, «базовой составляющей правовой политики любого государства является политика правоприменения, стержнем которой, без сомнения, следует признать судебное правоприменение». В этой связи «формирование научно-правового сознания судей — одна из важнейших сторон проводимой в России судебной реформы».

Сегодня все более возрастает потребность в активной роли юридической доктрины, направленной на поиск новых средств реализации правовой политики и совершенствование известных. Как отмечается в юридической литературе, «развитие теоретических знаний предстает как процесс возникновения и разрешения определенных противоречий между теорией и практикой. Преодоление этих противоречий требует критического анализа сложившейся теории, ее способности решать практические проблемы, возникающие на том или ином этапе развития общества [6. с. 32]. Продолжая эту мысль, В. М. Баранов отмечает, что «модернизация общественной жизни не может не вызвать появления новых форм связи юридической науки и практики... ныне как никогда от правовой науки и практики требуется активное вторжение в жизнь, разумное критическое отноше-

ние к юридической действительности» [3, с. 8].

Как представляется, это далеко не полный перечень средств реализации правовой политики, и исследования в этой сфере не стоит прекращать, поскольку само развитие общества порождает все более и более разнообразные средства. Однако с полной уверенностью следует сделать два вывода. Во-первых, не следует, одновременно выявляя и вырабатывая новые

средства реализации правовой политики, отказываться от ранее известных средств реализации широко и эффективно применяемых в истории нашего государства, достаточно адаптировать их под объективную реальность. Во-вторых, не следует выделять из существующих средств реализации «более» или «менее» эффективные, поскольку по-настоящему они эффективно только в систематическом, комплексном применении.

Литература

1. Афанасьева, В. И. Привилегия как источник исключительного права в процессе становления и развития патентного права России X—XIX вв. (историко-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. И. Афанасьева. — М., 2007. — 350 с.
2. Баранов, В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В. М. Баранов. — Саратов, 1989.
3. Баранов, В. М. Новые формы связи юридической науки с практикой // Юридическая наука и практика / В. М. Баранов // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2010. — № 1(12).
4. Большая юридическая энциклопедия. — М., 2008.
5. Гущина, Н. А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н. А. Гущина. — СПб., 2004. — 341 с.
6. Козлов, В. А. Введение в теорию права: (историко-методологический аспект) : учеб. пособие / В. А. Козлов, Д. И. Луковская, А. И. Поляков и др. — СПб., 1996.
7. Комаров, С. А. Теория государства и права : учеб.-метод. пособие / С. А. Комаров, А. В. Малько. — М. : Норма-Инфра-М. — 448 с.
8. Леднева, Т. В. Юридический ценз : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Леднева. — Новгород, 2012.
9. Лукошко сказок : сайт. — URL: <http://lukoshko.net/marshak/marsrd16.shtml>
10. Лукошко сказок : сайт. — URL: <http://lukoshko.net/mihal/mihal13.shtml>
11. Малько, А. В. Льготная и поощрительная правовая политика / А. В. Малько. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
12. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2004. — 250 с.
13. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Малько. — М., 2007. — 362 с.
14. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект : монография / А. В. Малько. — Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co., 2012.
15. МВД СКФО : сайт. — URL: <http://www.dko-mvd.ru/events-view-121.html>
16. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1993.
17. Ремизов, П. В. Критика законодательства: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. В. Ремизов. — Новгород, 2012.
18. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. 4. — М., 1996.

ПУЗИКОВ Руслан Владимирович, доцент Института права, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, канд. юрид. наук, доцент. 392622, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.

PUZIKOV Ruslan Vladimirovich, Associate Professor of Institute of Law of Federal State Government-Funded Educational Institution of Higher Professional Education Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. 33 ul. Internatsionalnaya, 392622 Tambov

For citation: **R. V. Puzikov**. Theory of forming extralegal means to implement legal policy: current situation and development prospects

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 3(51).2015. pp. 47–54.

